

Атакулова Мерим Абдыкеримовна,
д. филол. н., профессор,
Капарова Клара Маматибраимовна, доцент,
Ошский технологический университет,
Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, научный сотрудник,
Ошский государственный университет,
г.Ош, Кыргызская Республика
E-mail: Atakulova.m@bk.ru, Kaparova.klara@mail.ru

ЭГОЦЕНТРИЗМ В СФЕРЕ «ОКАМЕНЕЛЫХ» ЛИЧНО-ПОСЕССИВНЫХ АФФИКСОВ

В статье рассматривается выражение эгоцентризма в сфере «окаменелых» лично-посессивных аффиксов на основе примеров в кыргызском языке в сравнении их с другими языками.

Ключевые слова: лично-посессивные аффиксы, вокативный, инстенция, плеоназм, словоформа, варианты и вариации.

Атакулова Мерим Абдыкеримовна,
филол. и.д., профессор,
Капарова Клара Маматибраимовна, доцент,
Ош технологиялык университети,
Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, илимий кызматкер,
Ош мамлекеттик университети,
Ош ш., Кыргыз Республикасы

«КЫЙМЫЛСЫЗ» ЧӨЙРӨСҮНДӨ ЖЕКЕ-ЭЭЛИК АФФИКСТЕРДЕГИ ЭГОЦЕНТРИЗМ

Макалада башка тилдерге салыштырмалуу кыргыз тилиндеги мисалдардын негизинде «кыймылсыз» жеке-ээлик аффикстердин чөйрөсүндөгү эгоцентризмдин туюндурулуусу каралат.

Негизги сөздөр: жеке-ээлик аффикс, вокатив, инстанция, плеоназм, сөз формасы, варианттар жана вариациялар.

Atakulova Merim Abdykerimovna,
Doctor of philological sciences, professor,
Kaparova Klara Mamatibraimovna, docent,
Osh Technological University,
Suite Abdikadyrova, Researcher,
Osh State University,
Osh city, Kyrgyz Republic

EGOCENTRISM IN THE SPHERE OF "PESTERED" PERSONALLY-POSESSIVE AFFIXES

The article deals with the expression of egocentrism in the sphere of "petrified" personal-possessive affixes based on examples in the Kyrgyz language in comparison with other languages.

Key words: personal-possessive affixes, vocative, instance, pleonasm, word form, variants and variations.

Введение. В кыргызском языке лично-посессивные аффиксы выступают не только как словоизменительные показатели. В ряде случаев аффиксы сливаются с основой слова и теряют словоизменительный характер, приобретая черты словообразования.

Очень часто лично-притяжательный аффикс 1 л.ед. кыргызского языка, например, теряет значение «предмет, принадлежащий говорящему» и используется для выражения субъективно-эмоционального отношения производителя речи к адресату. Здесь адресат становится предметом ласки, любви, почитания, горя, огорчения и т.д.

Словоформа *балам* состоит из двух морфем – основы и лично-посессивного аффикса *-м*. Она имеет морфологически прозрачное строение. Основа выражает лексическое значение «ребенок» мужского пола, мальчик, сын», сочетаясь с аффиксом *-м*, передает синтаксическое по-русски значение «мой ребенок, мой сын».

Словоформа в этом случае является членом лично-посессивной парадигмы: *балам* «мой ребенок», *балаң* «твой ребенок» и т.д.

Когда словоформа *балам* лексикализуется, аффикс приобретает словообразовательную значимость. В этом случае основа *бала* лишается первоначального значения и вместе с аффиксом получает более емкое и цельное содержание. Основной сферой функционирования слова становятся вокативные конструкции. Вокативные ситуации в соответствии с интенцией говорящего создают условия для приобретения этим словом субъективно-экспрессивного смысла в самых разных вариантах и вариациях: оно может передавать ласковое обращение адресата адресатам в значениях «молодой человек», «племянник», «сноха», девушка», «младший по возрасту мужчина» и т.д. Благодарность старика, заключенная во фразе *Рахмат, балам*, может употребляться в самых разных ситуациях речи и одинаково относиться как к детям, так и взрослым, как к женщинам, так и мужчинам, имеющим возраст моложе говорящего.

Богатую коннотацию приобретает и слово *кызым* «дочь», «девочка», «девушка», «женщина» (моложе говорящего) и пр. В обоих случаях лично-посессивный аффикс теряет притяжательное значение, но сохраняет эгоцентризм. Лицо говорящего присутствует в семантике слова в целом и не только в его суффиксе. Безличное употребление слов *бала* и *кыз* встречается в их лексикографических репрезентациях, в количественно-номинативных образованиях и в вокативно-назывных этнокультурных конструкциях. К этнокультурным вокативно-назывным образованиям относятся выражения, которые содержат перенос значения, обусловленный запретом *жеңе* (невесте) называть имена ближайших родственников (братьев, сестер и родителей, племянников, дядей и др.) мужа, чем мужу (жениху) - имена родственников жены (невесты). Здесь слова *бала* и *кыз* отдельно или в различных сочетаниях с другими словами (*кичине бала, сары бала* и т.д.) выступают в качестве заместителя имен людей, называть которые запрещено обычаем. Словообразовательный характер лично-притяжательного аффикса 1 л.ед. мы обнаруживаем в поэтизмах.

Некоторые из них продуктивны в мужском фольклоре и речи (*мөлмөлүм, жалжалым* «милая моя», *көгүчкөнүм* «голубка моя», *гулжаным* «цветок мой, цветок и душа моя» и др.), женском фольклоре и речи (*тулпарым* «скаун мой», *туйгунум* «сокол мой»), в речи обоего пола (*жаным* «душа моя», *жүрөгүм* «сердце мое», *сүйгөнүм* «любимая моя/ любимый мой» и под.). Из этих примеров только последний допускает лично-посессивное спряжение. А остальные вовсе не спрягаются или спрягаются «неохотно» и со смысловыми потерями.

Лично-посессивный аффикс 1л.ед. превращается в словообразовательный и в тех случаях, когда в составе аффикс - *м*, приобретает значения «дитя мое», «ребенок мой». Это наблюдается при ласковых обращениях с детьми (а) или встречается в плачах на похоронах близкого человека (б):

а) *туягым* (буквально «копыто мое»), *берекем* (букв. «успех мой»), *канатым* (букв. «крылья мои»), *көлөкөм* (буквально «тень моя») и др. ;

б) *туягыман айрылдым* букв. «лишился я своего копыта», *бир боорум ой* букв. «ой однопеченник мой», *канатымдан айрылдым* «лишился я крыльев своих» и др. Сюда же примыкают слова *кудайым*, *периштем*, *таксырым*, *ханым*, *байым* и др. с коннотативными значениями. Веры, почитания и подчинения, допускающие, в отличие от предыдущих примеров, синонимию безаффиксными формами: *Кудай ай!* «*Кудайым ай! Боже мой! Колдой көрсүн периште (=периштем).* «Пусть поддерживает ангел мой!» и др.

Эти и подобные лексемы, лишившись словообразовательного статуса, нередко участвуют в образовании сложных слов. Некоторые антропонимы тюркских языков имеют в своем составе лично-посессивную парадигму: *Пиримберди*, *Эгемберди*, *Канымжан Кишимжан*, *Бегимай*, *Бегайым*, *Канайым* и др. Первые два антропонима восходят к предложениям: *Пирим берди* и *Эгем берди*. Сочетание посессивной словоформы в субъектной функции (с аффиксом 1 л. ед - *им*) и сказуемого-глагола в прош. вр. привело к образованию предложения-суждения, отражающего языческие и тотемические верования древних тюрков и превратившегося в сложный антропоним. В женских сложных именах составляющие их слова имеют несколько иные свойства. В них тоже содержатся оттенки и влияние древних представлений. Во многих аффикс 1 л.ед. выступает в качестве интерфикса, находясь между двумя основами.

Иногда признак 2л.ед. выступает в качестве ласкательной формы, приравниваясь по значению к безличной форме. Например, в разговорной речи: *Бу жоолукту Акунуң алып берди* «Этот платок купил (подарил) Акун (буквально: твой Акун). Так говорит старая мать, имеющая единственного сына по имени Акун, который подарил матери платок, и очень довольная этим его поведением. Аффикс 2л.ед. используется как форма вокатива в хакасском языке: *тайың* «дядя (по матери)», *агаң* «дедушка» [1].

Есть случаи, когда лично-посессивная форма 2 л. ед, выражая субъективно-экспрессивное значение ласкательности, вступает в эквивалентные отношения с формой 3 л. ед. Во фразе *Айта койчу садагаң* «Скажи-ка, сынок» произошла компрессия в результате выпадения слова *болоюн*. В архетипе конструкции наличие последнего было, вероятно, обязательно: *Айта койчу, садагаң болоюн* «Скажи-ка, чтобы я была искупительной твоей жертвой для изгнания духа болезни». В языке существует и другое употребление: *Айта койчу, садагасы* в том же значении. Не вдаваясь в генезисе этих параллельных образований, отметим синонимию признака 2 л.ед. – *ң* и признака 3 л.ед. – *сы* и словообразовательный характер этих аффиксов.

Данный контекст допускает эквивалентность аффиксов 2л.ед., 3л.ед и безличной формы: *садага айта койчу садага-ң садага-сы*

Методы исследования. В личных формах вокатива экспрессивность выражена сильнее, чем в безличной форме. Семантика вокатива сигнализирует о реликтах древней веры и возможности их использования в вербальном общении, о бескорыстной щедрости духа говорящего, о его симпатии к адресату и готовности выполнять любое желание собеседника, о стремлении вызвать в нем соответствующую ответную реакцию. Лично-посессивное словоизменение, следовательно, играет значительную контактно-активирующую роль в речевом акте. Эти синонимические образования не равновесны. Наибольшей эгоцентрической возможностью обладает 2 л., затем - 3л. и, наконец, нейтральная форма. И здесь проявляется эгоцентризм лично-посессивного

указательного поля, способствующий оценивать участника речевого общения с личностно-субъективной позиции.

Следует отметить, что особенной многоязычностью характеризуется аффикс Зл.ед. В Зл. происходит сильное ослабление значения принадлежности. Этим оно явно противопоставлено формам 1 и 2 л. Такое ослабление происходит в целом ряде случаев его употребления в составе лично-посессивных словоформ.

Во-первых, признак Зл.ед. приобретает дополнительный смысл, выражая интимно-ласкательное значение в сочетании с терминами родства, особенно в сочетании со словами *ата* «отец», *эне* «мать, бабушка», *апа* «мать», *чоң ата*, *таята* «дедушка», *чоң эне*, *таене* «бабушка», *жеңе* «жена старшего брата» и т.д. Ср., например: *атасы* «его (ее)отец!», *байкеси* «его(ее)старший брат!» и др. Национально-культурная семантика этих словоформ не имеет эквивалентов в русском языке, поэтому перевод их на русский язык однозначно не воспринимается. Такое явление встречается в татарском, узбекском и других языках [1].

Во-вторых, признак Зл. расширяет свою семантическую сферу в составе изафета. Как известно, тюркский изафет имеет две основные разновидности. В одном случае аффиксы принадлежности в определяемом существительном соотносятся со словоформой род.п. в функции определения в примерах *менин өлкөм* «моя страна», *энемин жоолугу* «платок моей бабушки» и т.д., морфемами словоформ в род.п.;

1) *ме-ни-н өлкөм*

2) *эне-м-ин жоолугу*.

В этих и подобных примерах лично-посессивные аффиксы выражают различный характер и различную степень принадлежности - принадлежность предмета лицу, предмета предмету, материала предмету, сделанному из него, части целому, принадлежность действия или состояния субъекта, признака обладателю и т.п. В изафетных конструкциях аффиксы лица тесно структурно и семантически с предыдущей словоформой и соотносятся с ее корневой морфемой.

В другом случае определения выступают в осн.п. и не имеют в своем составе аффиксов род.п., а определяемые компоненты получают в свой состав аффикс Зл.ед.ч.: *шаар кишиси* «городской человек», *Бишкек шаары* «город Бишкек» и т.д., в которых рассматриваемый аффикс соотносится безаффиксальной формой осн.п.:

1) *шаар киши-си* 2) *Бишкек шаары* и др.

В подобных примерах аффикс Зл. участвует в выражении отношения вообще-отношения предмета к месту, ко времени, отношения явления к причине, источнику или следствию, отношения части к целому и целого к своим частям, единичного к общему и общего к единичному и т.д.

Для носителей русского языка, как показывают наблюдения, кажется странным и не совсем логичным оформление интернационализмов в форме 3 л. лично-посессивного спряжения:

Кыргыз техникалык университет-и - Кыргызский технический университет

Начальная номинативная форма русского существительного находит неначальную (производную) форму в кыргызском языке с аффиксом Зл. С точки зрения русского языкового мышления этот аффикс может быть воспринят анахронизмом, излишним элементом, лишённым функциональной нагрузки. Такое употребление словоформ с аффиксом Зл. обладает продуктивностью. Часто аффикс соотносится не с лицами, а с предметными существительными.

В-третьих, аффикс Зл., расширяя свою семантику, переходит в сферу словообразования и становится словообразовательным аффиксом наречий. Часто аффикс Зл. адвербиализирует субстантивные лексемы. Обратимся к примерам из кыргызского языка: *туң-ү* «ночью», *кундуз-ү* «днем», *күн-ү -туң-ү* «днем и ночью, в сутки», *эрте-си* «на следующий день», *бир куң-ү* «однажды», *акыр-ы* «наконец»,

кыска-сы «короче», *туура-сы* «вернее, правильнее», *жакшы-сы* «лучше», *жай-ы* «летом», *кыш-ы* «зимой» и т.д. Аналогичные факты встречаются и в других тюркских языках [1]. Иногда встречаем случаи дублирования и плеоназма: *бир-и-си* «один из них», *ким-и си* «кто из них», где интерфикс *-и* и суффикс *-си* являются аффиксами 3 л.

Такой плеоназм мы встречаем и в сложных словах и словосочетаниях: *атасы-энеси жок жетим* «сирота, не имеющий отца и матери (ата-энеси), *учу кыйыры жок талаа* «бескрайняя степь» и др.

В-четвертых, аффикс 3л. выполняет союзную функцию в предложениях сложного строения, имеющих в своем составе фразы, т.е. фразоподобные образования. Как известно, фразоиды в тюркском предложении получили научное освещение в трудах новосибирских тюркологов (Е.И. Убрятова, М. И. Черемисина, Л. М. Горелова, Л. М. Бродская О. В., Субракова и др.) и грамматистов Кыргызстана (С. Н. Абдуллаев, К.З.Зулпукаров, Г.А. Абдимиталипова и др.)» [2].

Результаты исследования и их обсуждение. Е.Л. Убрятова ввела в лингвистический обиход понятие «предикативное склонение», которое употребляется для обозначения системы падежных форм причастий, имен наличия и отсутствия. Если экстраполировать эту идею на почву кыргызской грамматики, то видим, что полупредикативные образования занимают значительное место в строе предложения и выполняют большую роль в оформлении речевых сообщений в кыргызском языке [3].

Приведем примеры, которые свидетельствуют о том, что кыргызские предложения или предикативные словосочетания с лично-посессивными аффиксами в своем составе в процессе употребления превращаются в слова. Предложение, субстантивируясь, становится сложным словом. Субъект-подлежащее с аффиксом 3л. образует первый компонент такого слова.

Имя известного поэта-импровизатора Женижок представляет собой предложение и имеет строение: *жең* «рукав», *-и*- притяжательный аффикс 3 л и *жок* «нет, отсутствует, без-\бес-», т.е. буквально «рукав (рукава) - его отсутствует (ют), рукава (ов) у них нет». Аффикс 3 лица, находясь между двумя основами в составе сложного слова, выполняет функцию интерфикса.

Такое же строение имеют *аты жок*, *жаныбар* и другие образования. Есть основание отнести *аты жок* к фразеологизмам. Если допустить слитное написание, то его можно называть словом. Это образование имеет три значения: 1) не имеющий имени; 2) безымянный (палец); 3) чирей, нарыв, фурункул. Первое значение свойственно свободному сочетанию. Имя существительное употребляется в прямом значении и является эквивалентом русского слово *имя*. Это употребление предполагает раздельное написание частей словосочетания. Второе и третье значения производны. Здесь существительное *ат* имеет переносное значение. В этих значениях части фразеологизма произносятся слитно как слово и между ними невозможно вставлять другие слова или делать паузу. Ср. сочетание с паузой в середине *аты жок* «не имеющий имени» и *аты деле жок* «пока еще не имеет имени», но не «безымянный палец» или «чирей». Второе значение в русском и кыргызском языке оформлено идентично и, возможно, возникло в результате контактирования, непосредственного или опосредованного. Третье значение, вероятно, результат табу, обусловленного страхом размножения и усиления чирея на теле больного.

С этой точки зрения интересен статус слова *жаныбар* «животное» - являющегося по происхождению предложением, окаменевшим и превратившимся в разряд сложных имен существительных. Оно имеет такое же строение, как и предыдущие: *жан* «дух, душа», *-ы* – притяжательный аффикс 3 л и *бар* «есть, имеется, присутствует, существует». И здесь *-ы* выступает в качестве интерфикса, соединяющего две корневые морфемы.

Рассмотрим предложение *Кызы бардын назы бар* «Кто имеет дочь (дочку, невесту), тот имеет и капризы». Эта пословица включает в себя два предикативных образования: 1) *кыз-ы бар* букв. «дочь у него/у нее имеется!» и 2) *наз-ы бар* букв «капризы у него/у нее имеются». Данные предложения построены по принципу параллелизма, который связывает части пословиц в единое целое. Параллелизм частей пословицы проявляется в одинаковости количества звуков, слогов, слов, в идентичности состава словоформ субъектной функции, лично-посессивного аффикса 3л. (-ы), в тождественности звукокомплексов *-ы бар*, обеспечивающих благозвучие конструкции, в изоморфизме предикативного смысла фраз, утверждающего наличие определенного субъекта (1) и его свойства (2). Различие фраз составляют слова с субъектной функцией, имеющие различное лексико-семантическое содержание и противопоставляемые друг другу по координатам одушевленное-неодушевленное, конкретное-отвлеченное, название лица-название свойства и т.д.

Выводы. Приведенные два предикативных образования соединены между собой аффиксом род.п. *-дын*. Падежный показатель выполняет здесь связующую функцию, только он нарушает параллелизм частей сложной конструкции, увеличивая объем ее первой части. Если в отдельно взятых фразах *Кызы бар* и *назы бар* свойство *наз* «капризы» приписывается лицу, имеющему дочь (*кыз* «дочь»), то аффикс-*дын* вносит в содержание фразы еще по крайней мере два дополнительных смысла: во-первых, субстантивирует первую фразу, как бы преобразуя ее в сложное существительное и, во-вторых, относит свойство *наз* «капризы» к лицу, обозначенному этим «сложным» существительным. Такая сложная конструкция относит свойство *наз* не только к девушке, но и к ее родителям и родне вообще. Следовательно, значение лексемы *наз* «капризы» и фразоида *Кызы бардын* расширяется за счет увеличения количества субъектов обладания.

Расширение семантики составляющих свойственно всем паремиям и таким путем усиливается их значимость. Отвлеченность значения всегда свидетельствует о жизненности пословицы и об ее способности обобщать различные явления действительности, использоваться в различных ситуациях речевого общения.

Анализируемая паремия имеет структуру, части которой, по-видимому, сложно связаны друг с другом воедино.

II-1 II-2

А. *Кыз-ы бар-дын назы бар.*

Б. *Кызы бар-дын назы бар.*

В А произведено морфемное членение пословицы, разграничены два предикативных сочетания, состоящих субъекта и собственно предиката, показаны связи трехчлена *кызы бардын назы* «капризы того, у кого имеется дочка». В Б обособляется и демонстрируется связующая функция аффикса род.п. В пословице лично-посессивные словоформы не допускают свободного спряжения. Природа паремии накладывает на спряжение такое ограничение. Притяжательный аффикс во всех приведенных выше примерах лишен обычного лично-пропоминального значения.

Сказанное тоже свидетельствует об эгоцентризме лично-посессивных образований с окаменевшими и превратившимися в словообразовательные элементы аффиксами. Личность говорящего в наибольшей степени проявляется в тех случаях, когда словоформа имеет в своем составе показатель 1 л. ед., далее заметно отдалается признак 2 л.ед. Многообразие семантики 3 л.ед. говорит о значительной отдаленности соответствующих лиц и предметов от сферы интересов производителя речи. Здесь говорящее лицо идентифицирует разнородные объекты и относит к сфере интересов других лиц или предметов. Зачастую аффикс 3л. используется для связи частей сложных синтаксических образований.

Литература:

1. **Щербак А.М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков [Текст] // (Имя). – Л., 1977. - С. 79-80.
2. **Зулпукаров, К.З.** Падежная грамматика: теория и прагматика [Текст] // СПб; Ош, 1994. - С. 64-66.
3. **Убрятова Е.И.** Задачи сравнительного изучения тюркских языков. Тюркологический сборник [Текст] // М., 1970. - С. 23.